

ПАМЯТИ Н. Ф. ПОГОДИНА

ОН ШЕЛ ВПЕРЕДИ

Когда из не очень-то многочисленного отряда советских драматургов выбывает хотя бы один, — это всегда ошутимая потеря. Но когда выбывает навсегда тот, кто по праву шел впереди всех нас, шел целые десятилетия, потеря становится особенно ошутимой.

Да, места в драматургическом партере все заметнее пустеют. Скорей бы пришло новое пополнение!

Погодин бился за драматургию и театр со всей страстью, с полной отдачей сил, бился и в самое нелегкое время, сердился, негодовал, проклинал, но всегда работал, работал, работал. А как он умно и твердо вывел на верную дорогу совсем было захиревший журнал «Театр», когда был его главным редактором. Сделал журнал интересным, острым.

Погодин при всей его яркой одаренности писал не всегда одинаково удачные пьесы. Но он всегда чувствовал, понимал и приветствовал всякое появление истинно художественного и помогал его становлению. И презирал все неталантливое, сострадалное из соображений, не относящихся к творчеству. Он был человек нелегкий. И это мне нравилось. Я побоялся его. И это тоже хорошо. Можно ли в искусстве быть легким человеком?

Познакомился я впервые с Николаем Федоровичем на премьере своей пьесы «В добрый час!» в Центральном детском театре. После спектакля мне сказали, что меня хочет видеть Погодин. И вот навстречу мне идет, постарчески тряс головой, Николай Федорович. Молча обнимает и крепко целует. И я видел радость в его глазах. Такое участие бесконечно дорого.

Погодин относился к первому по-

лению советских драматургов, которые прокладывали новые, еще неизвестные пути в театре и драматургии. Когда-нибудь придут в наш театр новые талантливые драматурги. Путь их, вероятно, будет куда более легким, чем был путь Николая Федоровича Погодина, который и прокладывал именно для них этот путь. Лопатой, киркой, ломом. В мороз, в жару, в ливень, в град. Он вынес на своих плечах многое. Для нас. Для будущих драматургов. И то, что именно ему, единственному драматургу, было присвоено звание лауреата Ленинской премии, есть акт большой справедливости.

Погодина нет.

Большого человека нет.

Слово за теми, кому идти дальше.

Виктор РОЗОВ

ПИСАТЕЛЬ, РЕДАКТОР, ЧЕЛОВЕК

...Перебираю листки рукописей со штампом журнала «Театр», с погодинскими пометками на полях... Вспоминаются редакционные разговоры о событиях в стране и о новых пьесах, о стиле критики и журнальных планах... Почти каждый раз наш редактор был неожиданным. Он умел увидеть то, чего не заметили другие, сказать об увиденном так, как мог сказать только он. Его нельзя было не любить — покорила незаурядность натуры, способность идти к истине, находя свои слова, разламывая, взрывая привычные прописи, привлекающие своей доступностью. Покорила погодинская неповторимая «шероховатость», острота, неуступчивость, перед которыми особенно плоско выглядели безликая прилаженность слов и мыслей, отрепетированная интеллигентность поведения.

До встреч в журнале я знал драматурга, который вывел на сцену героя пяти-шести леток и начал сценическую ленинскую. В редакционных разговорах стал ближе, понятнее человек, чьим воображением дана жизнь Степашке и Анке, Гаю и Шад-рину...

К тому времени у Погодина позади были уже три десятка лет работы в литературе. Но неослабевающей оставалась страстность, я бы сказал, юношеский азарт узнавания жизни и людей; этому азарту лишь помогали опыт и умудренность. Глубоко переживая в жизни все, что достойно переживания художника и гражданина, Погодин каждый раз стремился докопаться до корня увиденных фактов, до самых глубоких глубин.

Не просто любопытство художника вело его. Когда в «Третьей патетической» говорилось о бессмертных огнях Смольного, которые светят всем нам, была в этих словах исповедническая лирика самого писателя.

Николай Федорович в разговорах любил не патетику, а иронию; то святое, что жило в его душе, он охотнее передавал своим героям. Но и в парадоксах, окрашенных иронией, и в неторопливых его рассуждениях о делах повседневных жила — глубинным потоком, подтекстом — самые высокие чувства, жил свет все тех же бессмертных огней.

Глубокое, граждански страстное восприятие жизни, истории, современных проблем определяло тон и направление творчества: в погодинскую драматургию широко вошла поэзия революционного порыва; Погодин сказал не только первое, но и самое сильное драматургическое слово о Ленине. Перед реальностью таких литературных фактов особенно схоластическими казались придуманные дискуссии прошлых лет о том, что же такое наше искусство — исповедь или проповедь.

В записке по поводу одной из статей, посвященной театральной критике и подготовленной для опубликования в «Театре», Погодин писал нам о необходимости расширить разговор о правдивости литературы: «Правда как творческое начало, правда как партийное положение в искусстве, обязательное для критики».

Неуступчивая приверженность правде помогала ему показывать подлинно народные характеры, щедро насыщать пьесы многоцветной народной речью, неотесанной, глыбистой, но прекрасной в своем живом движении. Влюбленность в правду нашей жизни помогла ему подняться до писательского подвига в создании ленинской трилогии.

Не обращаясь к воспоминаниям, на одном только современном литературном фоне невозможно по-настоящему оценить этот подвиг: драматургическое и сценическое воплощение образа Ленина теперь уже не поражает своей головокружительной необычностью. Когда же «Человек с ружьем» еще только был задуман, у зрителей и самого драматурга была иная психология. Задача казалась немислоспособно дерзкой, в минуты душевной слабости — просто невозможной.

Но Погодин взялся за нее. Взялся и не свернул в сторону от главных трудностей. Не ограничился изложением хода изученных событий, инсценированием известных текстов. Он воссоздавал образ, угадывая незафиксированные слова, поступки, душевные состояния. Слова, поступки, состояния на этот раз не Гая или Степашки, а Ленина!

Драматург не сразу нашел то, что было им найдено и что дало нам право говорить о классичности трилогии. Когда что-то не получалось, он искал снова и снова. Переделывал; дорабатывал; еще и еще раз возвращался к сделанному; к каждой сцене и реплике: в душе самого писателя жил революционный порыв, светили бессмертные огни Смольного.

Гражданское начало у Погодина проявлялось не только в драматургическом творчестве, но и в делах общественных. Председательствовал ли он в драмсекции, редактировал ли журнал или просто писал критическую статью, свободный от «должностей», он чувствовал себя ответственным за всю нашу драматургию, болел ее бедами, радовался ее победам.

Вот передо мной записка, написанная Погодиным по поводу двух пьес, «вытащенных» из «самотека» для опубликования в журнале «Театр»: «Это вещи принципиально новые для нашей драматургии, хотя я давно думал о них, но сам написать не мог и у наших драматургов видел мало похожего... Если это само-тек, то нам, старикам, скоро плохо придется. Очень рад». Многие можно узнать о Погодине — писателе и человеке из этой рядовой редакционной записки.

Прощаться с Николаем Федоровичем невыразимо тяжело.

А. КАРАГАНОВ

ПОДВИГ ХУДОЖНИКА

Со смертью Николая Федоровича Погодина от нас ушел не только драматург, одаренный высоким живым талантом, но и добрый, великодушный человек.

Внешне суровый, даже угрюмый, он в действительности был ласковым. Но эта его ласка, его доброта сказывались не в том, что он рассыпал комплименты, — на них он был скуп, — а в том, что щедро делился своим опытом писателя-трудяги. Погодин любил работать и стремился разбудить аппетит к работе и у других. И так как именно этим стремлением он был одержим, когда выступал, — а он был превосходным оратором, — то те, кто слушал его, чувствовали прилив сил, веру в свои силы даже если Пого-

дин их критиковал. Так он умел критиковать.

Погодин начисто был лишен чувства зависти и весь полон жадным доброжелательным интересом к новому, молодому. Он охотно беседовал с молодыми и всегда говорил им о самом сокровенном, никогда не позируя с высоты своей заслуженной славы, естественно держась, не свысока, а на равных. И пленял этим. Ибо в этом отчетливо проявлялись его уважение и вера в своих слушателей.

Пьесы Николая Федоровича были всегда о главном, а потому в них легко прослеживается жизнь страны.

С годами люди частенько теряют подвижность, круг их интересов сужается, иногда до собственной персоны. Погодин был не таков. Он до конца сохранил ту живость газетчика, с которой пришел в театр, и обогатил, укрепил ее мастерством истинного драматурга. В сфере интересов Погодина было все: от Эйштейна, уже подошедшего к концу своего пути, до наших молодых студентов, еще только ищущих себя и свою дорогу в жизни. И этот круг Погодина все расширялся и расширялся.

Но высшим, что создал Погодин, была трилогия о Ленине. Трудно написать пьесу о великом человеке, чтобы не получилась хрестоматийной фигуры, говорящей иллюстрация, движущегося монумента. Чтобы возник живой образ, нужна воля. Одно благоговение родит лишь памятник.

Такт и мастерство большого художника позволили Погодину найти ту меру волюности, которая ни разу не оскорбила нашего благоговения перед Лениным, и в результате перед нами на сцене — в лучших актерских воплощениях — великий и живой Ильич, вождь и человек. Погодину оказалась по плечу эта богатейшая задача.

Погодин не торопился делиться своими планами. Он понимал — планы писателя могут очень часто оказаться писанными вилами на воде. Он писал не планы, а пьесы. И вообще он не любил делать ничего лишнего. Поэтому его хватало и на статьи, и на редактирование журнала, и на поездки, и на встречи с молодыми, и главное, на пьесы, на пьесы, на пьесы... Погодин знал цену времени, умел беречь время и умел его тратить. Он знал, чем измеряется минута жизни писателя.

А теперь он умер, и мы говорим о нем: он умел, он был. Но пьесы его есть, добрая память о нем есть, и чудесный пример его жизни остается жить.

С. АЛЕШИН

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

Умер Погодин... Не хочется верить этим словам. И не только потому, что человеку всегда трудно примириться с мыслью о смерти близкого товарища, друга, но и потому, что уже очень живым, земным и страстным был этот человек с прищуренными близорукими глазами! И как он умел любить и ненавидеть! А сколько доброты, отзывчивости и человечности скрывалось за внешней суровостью этого человека.

В сущности до последних дней своих он оставался юношей, с пылким, увлеченным, влюбчивым сердцем. И недаром так много было у него не только читателей, но и хороших друзей, учеников и последователей: их было много не только в русской литературе, но и в братских литературах. Он умел и любил открывать новые таланты.

Прощай, дорогой друг. Твои добрые дела, всегда острые, страстные творения, твоя добрая улыбка никогда не изглаживаются из нашей памяти.

Абдулла КАХХАР

ТАШКЕНТ

ЛЮБОВЬ ЗРИТЕЛЯ

Телефонный звонок...

Пал Николай Погодин. Гал в авангарде атакующих. Шли годы. Сменялись полководцы и бойцы, поколения за поколениями, а он, ветеран первой когорты, оставался всегда в первых рядах сражающихся за торжество Радости. Там, где схватка была самой жестокой.

Взгляд скользит по книжным полкам — вот они, пять томов в красном и золотом, среди томов великих мастеров.

Там они и останутся.

Никто, с каким бы намерением ни подходил к ним и каким бы масштабом ни измерял, не сможет изъять, убрать творчество Погодина из фонда Великой литературы.

Это — сама правда!

И ум, и сердце говорят мне: это правда!

Возьмите наудачу любой из томов. В каждой строке бьет ключом настоящая, неприкрашенная жизнь. И вера, и любовь к человеку, и мудрость. Такое русское, народное, коммунистическое, человечное...

Я любил этого человека.

И тогда, когда еще не ви-

дел его, и потом, когда имел счастье встретиться с ним здесь, у нас в Софии, сразу же после освобождения, чтобы поделиться радостью Победы. Он дал дорогу моему «Счастью» — первой болгарской драме, напечатанной в редактируемом им журнале «Театр», которому он сумел придать такой ормонный международный авторитет.

Но разве я один любил его! Весь наш народ любит и уважает Николая Погодина как своего родного человека, одного из первых и лучших строителей нашей новой социалистической душевности.

Античный мудрец наказал: «О мертвых хорошо или ничего».

Нет, не поэтому! Сама правда, справедливость требуют, чтобы в этот горький час разлуки мы заявили, что мы, болгары, испытывали на себе через его пьесы и фильмы одно из наиболее мощных и созидающих влияний советского искусства.

Как любому действитель-

но его искусству еще только

предстоит — в различные времена и на различных меридианах — раскрывать все новые и новые жизненные сокровища. Не так давно в охолопковской постановке мы видели в нашем Национальном театре старых «Аристократов» и новую «Третью патетическую». Эти пьесы отделяет немалый промежуток времени, но удивительно: мы восприняли обе как принадлежащие вечному Времени. Мы не спрашивали себя, когда создана одна, когда — другая. Мы встретили их с тем доверием и благодарностью, с какими мы встречаем только великое искусство.

И так будет и впредь: былые ключом источники погодинского Театра будут утолять все новые и новые поколения.

Нет, Николай Погодин не выходит из строя. Живой с живыми, он продолжает идти в первом ряду нашего общего похода к Стране Радости.

Орлин ВАСИЛЕВ,

болгарский писатель

СОФИЯ

ОТ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОРОН Н. Ф. ПОГОДИНА

Комиссия извещает, что гроб с телом Н. Ф. Погодина будет установлен 22 сентября в Центральном Доме литераторов (ул. Герцена, 53). Доступ к гробу для прощания с покойным — с 10 часов утра.

Гражданская панихида состоится 22 сентября в 13 часов. Похороны — на Новодевичьем кладбище в 14 час. 30 мин.

Николай Федорович Погодин был тесно связан с коллективами московских театров. Это была замечательная дружба выдающегося драматурга с режиссерами и актерами. И не случайно свое шестидесятилетие Николай Федорович отметил именно в театре. 16 ноября 1960 года, в день рождения Н. Ф. Погодина, на сцене Театра имени Ленинского комсомола шла его пьеса «Цветы живые». Объектив фотоаппарата запечатлел Николая Федоровича беседующим с постановщиком спектакля народным артистом РСФСР Б. Толмазовым.

Фото А. Глазштейна. (Снимок публикуется впервые).